

Поздравившему его с Тильзитским договором Наполеон заявил: "Я буду господином только тогда, когда подпишу договор в Константинополе, а этот договор, который я только что подписал, задерживает меня на год"^{xxx}.

Характерно, что Наполеон не удовлетворялся мирской властью, пусть даже и во всемирном масштабе.

"Я надеялся управлять папою, — признавался он уже будучи пленником на Св. Елене, — и тогда — какое влияние, какой рычаг для власти над миром!"^{xxxi}.

"Париж, — диктовал он на острове Св. Елены, — стал бы столицей христианского мира, а я руководил бы религиозно жизнью всего мира так же, как и политическою"^{xxxii}.

"Если бы я вернулся из Москвы победителем, я заставил бы папу позабыть о светской власти; я сделал бы из него просто идола, а сам руководил бы религиозной жизнью, как и политической... Мои соборы были бы представителями христианства, а папа был бы из них только председательствующим"^{xxxiii}.

Однако на пути его к этой мечте стал не только Римский папа, но и "отсталый" французский народ. "Если бы я вздумал себя объявить сыном бога отца и назначить благодарственное богослужение по этому поводу, — не без чувства досады говорил он, — то не нашлось бы такой рыбной торговки в Париже, которая не освистала бы меня"^{xxxiv}.

В 1811 г. он заявлял своему собеседнику: "Через пять лет я буду господином мира; остается одна Россия, но я раздавлю ее"^{xxxv}.

Накануне похода на восток Наполеон признался Нарбонну: "Так или иначе, мой милый, но ведь этот длинный путь, это тот же путь в Индию. И Александру предстояло пройти расстояние не меньше, чем отсюда до Москвы, чтобы добраться до Ганга; я твержу себе об этом после Сен-Жан-д'Акры... Теперь же мне придется, с окраины Европы, взяться за Азию с другой стороны, чтобы ударить по Англии... Предположите, что Москва взята, Россия разбита, Царь смирился, или же погиб [sic!] жертвой дворцовой интриги; может быть новый вассальный трон; скажите же мне, разве для французской армии, подкрепленной союзниками и вышедшей из Тифлиса, не найдется такого подступа к Гангу? Достаточно будет прикоснуться французским мечом к его берегам, чтобы во всей Индии рухнуло здание этого меркантильного величия. Я согласен, это была бы гигантская экспедиция, но исполнимая в XIX веке. Тем же ударом Франция завоевала бы независимость Востока и свободу моря"^{xxxvi}.

"Столь дерзкая похоть власти у Наполеона, — отмечают православные исследователи, — имела, конечно, признаки антихристианской демонической гордыни, а его победы и исключительное военное везение, удивлявшие всю Европу, объяснялись, видимо, не только полководческим талантом, но и помощью соответствующих духовных сил, к которым он обращался"^{xxxvii}. (Вспомним в связи с этим вот эти слова графа Ж. де Местра, написанные им накануне Бородины: "Я боюсь только его дьявола-хранителя, который постоянно помогает ему выбираться из самых тяжелых передряг"^{xxxviii}.)

+++

Итак, путь к мировому господству Наполеону преграждала только Россия.

Как и всегда: Европа и Россия; Революция и Россия.

"Давно уже в Европе, — писал Ф.И. Тютчев, — существуют только две действительные силы — Революция и Россия. [...] Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны; существование одной из них равносильно смерти другой! От исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо мир был свидетелем, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества"^{xxxix}. (И хотя написано это было в 1848 г., но верно это было уже во времена начала борьбы с Наполеоном и даже еще ранее, когда Император Павел Петрович, напутствуя великого Суворова в 1799 г., сказал: "Иди, спасай Царей!"^{xl})

Важно подчеркнуть *одновременность* масонских революций конца XVIII века во Франции и Северной Америке, а также похода Великой армии в Россию и объявление 18 июня 1812 г. "Второй войны за независимость" США Великобритании, а также восстаний французских масонов Боливара и Сан-Мартена в Чили и Аргентине. Современные авторы подчеркивают, что Северная Америка "выступала как союзник Наполеона", причем "начало военных действий было согласовано заранее"^{xli}. Не случайно также, что после окончательного поражения в битве при Ватерлоо Наполеон, отрекшись вторично, хотел отправиться в Америку, но по дороге был захвачен англичанами.

"...Новый дух, каковой ныне веет по всей Европе, — писал в апреле 1812 г. в преддверии трагических и, одновременно, величественных событий современник, — не насытится, пока существует хоть одна церковь, и хоть один Трон. С воистину сатанинской ловкостью использует он даже самих Монархов ради Их же истребления [...] Наступают времена, горестные для жен, отцов и матерей. Кто не содрогнется при наступлении последней схватки! Может быть, с большим основанием год 1812 наречется annus mirabilis² нежели год 1666"^{xlii}.

Не одна революционная Франция устремилась в 1812 г. в Русские пределы. Наполеон, по его собственным словам, двинулся на Россию "во главе всей остальной Европы"; причем "идея вторжения в Россию была популярной и вызвала интерес в Европе"^{xliii}.

"...Наполеон стремился вступить в Москву победителем. [...] Заняв Москву, он планировал устроить грандиозные торжества собственного "венчания на царство" в Кремле. Опыт такого действия у него уже был. Для этого Наполеон предусмотрительно взял с собой актеров Итальянской оперы и балет. В походе его сопровождала труппа театра Французской комедии. В строжайшем секрете в июне 1812 года папу Пия VII привозят с юга Франции в Фонтенбло и держат там, вероятно, для последующей отправки в Москву. Участие папы как статиста могло пригодиться при коронации в Кремле. Согласие папы участвовать в спектакле можно было купить обещанием унии Восточной и Западной Церквей под державой Наполеона. [...] Венчание на царство в Кремле должно бы-

Наполеон несет свободу евреям

Медаль в память Парижского синедриона, созданного Наполеоном

по разворачиваться на глазах у всей Европы и с участием "русских бояр". После коронации новый самозванец становился Императором Востока и Запада и мог издавать указы уже как русский Царь. [...]

То, что такие планы у Наполеона ИМЕЛИСЬ, подтверждают французские архивы. Еще в 1810 году агенты Наполеона в России получили задание найти смелого казака, способного сыграть роль Пугачева³. Приказ об этом был отдан министру иностранных дел Маре. (Напомним еще раз, что Двор Людовика XV оказывал помощь Пугачеву через Турцию и Крым.)

Пугачевщина, поддержанная раскольниками и инородцами, разжигалась в тылу Русской Армии (на Волге, на Урале). [...] В этой связи становятся понятны особые полномочия и устные указания, данные генерал-губернатору Москвы Ростопчину Императором Александром I. В ином свете предстает и роль самого Ростопчина.

Сдача Москвы была предусмотрена, но она могла обернуться катастрофой. Ростопчин пишет Кутузову 19 августа 1812 года: "С 'падением' Москвы в руки злодея цепь, связывающая все мнения и укрепляющая к Престолу Государей наших, разорвется, и общее рвение, разделяясь на части, останется бездейственно. Народ русский есть самый благонамеренный. Никто не сможет ответить за него, когда древняя столица делается местом пребывания сильного, хитрого и счастливого неприятеля рода человеческого [...] Какого повиновения и ревности ожидать в губерниях, когда злодей издавать будет свои манифесты в Москве? Каким опасностям подвержен будет Император..."

Ростопчин пишет и говорит во всеуслышание, что в случае вступления неприятеля в Москву, город обязательно сгорит. [...]

Если был приказ (разумеется, устный) о сожжении Москвы, то он мог исходить только от Императора. Сам бы Ростопчин на себя такой ответственности не взял. Только Царь, подобно ветхозаветному Царю Давиду, мог совершить "жертву всесожжения". Мы знаем, что жертва была принята. Мы знаем, что Великая Армия "дванадцати языков" была полностью истреблена, не проиграв ни одного сражения. Коронация Наполеона в сожженной Москве не состоялась. Триумф обернулся крахом.

Спустя много лет во Франции появятся мемуары, в которых участники событий приоткроют завесу тайны 1812 года.

В 1887 году в Париже мизерным тиражом вышла книжица Альфреда Сюдра "Тайна 1812 года". В ней говорилось со слов участника кампании 1812 г. генерала Виктора Дестю де Траси следующее: "В 1812 г. в Москву был отправлен фургон с императорскими гербами под эскортом легкой кавалерии. Эскортом командовал некий Демулен. В фургоне находились одеяния и украшения, которые надевал Наполеон во время коронации" (имеется в виду коронация 1804 года в Нотр-Дам). [...]

В той же книжечке со слов неназванного генерала сообщается: "Я знаю из достоверных высокопоставленных источников, что императорские регалии для коронации были доставлены в Москву. Мне сообщили по секрету, что Наполеон после подписания мира в Москве собирался устроить в Кремле пышную церемонию, во время которой, облаченный в императорскую мантию, он был бы провозглашен своими маршалами, офицерами и армией Императором Запада, главой Европейской Конфедерации".

Опустошенная и сожженная Москва не могла быть местом коронации Императора Вселенной. Наполеон и его армия оказались в ловушке. Александр намеренно затягивает переговоры, чтобы задержать подольше Наполеона в России.

Наконец начинается отступление бывшей Великой Армии, и здесь в последний раз мы встречаем упоминание об императорских регалиях. Генерал Русской Армии, французский эмигрант граф Ланжерон оставил пятитомные мемуары о сво-

ей жизни и службе в России. Он сражался против Наполеона (как и четверо других генералов французского происхождения) и гнал его из России в 1812 году. В его мемуарах мы находим такое свидетельство: "В пяти верстах от Вильны, по дороге на Ковно, французы бросили свои последние повозки, среди которых был личный фургон Наполеона. В нем были найдены портфели с бумагами, его одежда, ордена, скипетр и императорская мантия, в которую, говорят, облачился какой-то казак. Нам было не привыкать к подобным метаморфозам [...] В этом обозе разграбили сокровища на 10 миллионов золотом и серебром".

Императорские регалии Наполеона, использованные во время коронации 1804 года, хорошо известны и описаны. Но ни скипетр, ни держава, ни золотой венок, ни орден Почетного Легиона, ни мантия никогда не были найдены. Никто из специалистов ничего о них не знает до сих пор.

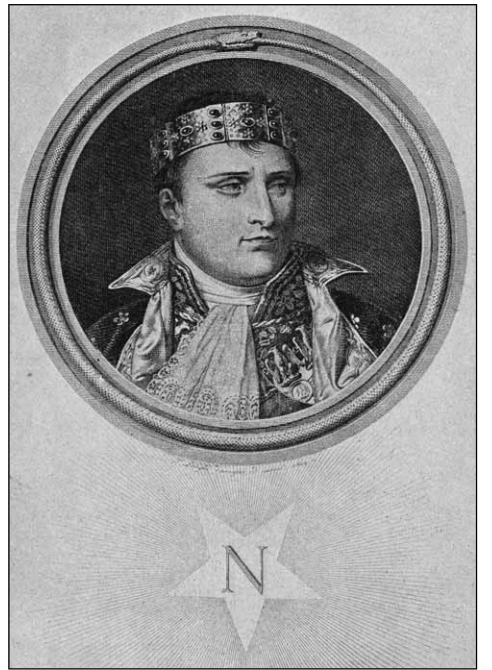
История всегда права, потому что в ней действует Промысел Божий. Задача историка — попытаться не судить, а понять его"^{xliiii}.

+++

Вот с кем вел войну Император Александр I и победил с помощью Божией, получив от Своей России прозвание **Благословенный**.

К чести русского духовенства следует сказать, что оно сразу же и безошибочно определило духовную сущность Наполеона.

Еще в декабре 1806 г. Святейший Синод, по указанию Царя, обратился к народу в связи с созывом ополчения. Оно зачитывалось во всех православных храмах в первый воскресный и праздничный дни. В документе говорилось, что "неистовый враг мира и благословенной тишины, Наполеон Бонапарте [...]

Антихристовая звезда Наполеона

отложился от христианской веры", "самовластно присвоил себе царственный венец Франции и силою оружия, а более коварством распространил власть свою на многие соседние с нею государства", огнем и мечом опустошил их города и села, а теперь "держит [...] угрожать России вторжением в ее пределы, разрушением благоустройства [...] и потрясением Православной Греко-Российской Церкви".

Еще во времена богопротивной революции, — говорилось в документе, — он [...] на сходбищах народных торжествал учрежденные лжеумствующими богоотступниками идолопоклоннические празднества и в сонме нечестивых сообщников своих воздавал поклонение, единому Всевышнему Божеству подобающее, истуканам, человеческим тварям и блудницам, идольским изображением для них служившим [...] Наконец, к вящему посрамлению Церкви Христовой, созвал во Франции иудейские синагоги [...] и установил новый великий сангедрин [синедрион] еврейский, сей самый богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устремить их на испровержение Церкви Христовой". Далее сказано определенно, что Наполеон, "отринув мысли о правосудии Божиим, ...мечтает в буйстве своем, с помощью ненавистников имени христианского и способников его нечестия, иудеев, похитить (о чем каждому человеку и помыслить ужасно!) священное имя Мессии".

И как вывод: "...Благодать Божия отступила от Наполеона; ничто уже не соединит его с Богом, Которому он сделался столь ужасно неверным [...] Его преследует вечное осуждение"^{xlv}.

Шесть лет спустя пришла новая тяжкая година для нашей Родины.

"Воины! — призвал в первом приказе по армиям, данным в Вильне 13 июня, Император Александр I. — Вы защищаете Веру, Отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог"^{xlvi}.

11 июня 1812 г. профессор Дерптского университета Вильгельм Фридрих Гецель послал главнокомандующему I Западной армией М.Б. Барклаю-де-Толли письмо, в котором излагал истолкование двух мест из Откровения Иоанна Богослова (гл. 12, ст. 18 и 5).

"Переложив буквы, составляющие имя Наполеон, в цифры", профессор "получил число 666, то есть то именно число, которым в Апокалипсисе означен Зверь (антихрист). Предел славы Зверя определен числом 42. Отсюда профессор делал вывод, что в 1812 год, в котором антихристу-Наполеону исполнилось 43 года, будет годом его падения"^{xlvii}. (Так, между прочим, и случилось.)

"Как в имени и титуле зверином, кои на французском языке изображаются сими словами: L'Empereur Napoleon, так и в числе четыре-десяти-двух, кои в оном же языке пишутся словами: quarante deux, находится оба раза число 666, которое определено в помянутой главе, стихе 18-м апокалипсиса"^{xlviii}.

"Наряду с тринадцатой главой Откровения Св. Иоанна современники Отечественной войны связывали с Бонапартом 11 стих главы девятой. Фонетическая близость имени Наполеон с апокалиптическим губителем — Аполлионом ["...имя ему по-еврейски Авaddon, а по-гречески Аполлион"] служила, по общему мнению, безусловным поводом для inferнальных трактовок императора французов"^{xlix}.

В Воззвании Св. Синода Наполеон именовался "властолюбивым, ненасытным, не хранящим клятв, не уважающим алтарей врагом", который "покушается на нашу свобо-